УДК 325.25

Иван ЛОШКАРЁВ

ДИАСПОРА В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ: КУРДЫ В ЕС

Аннотация. В статье рассмотрена взаимосвязь процессов регионализации и функционирования диаспор на конкретном примере курдской диаспоры в странах Евросоюза. Анализируя исторический опыт, автор приходит к выводу, что образование панъевропейских зонтичных структур стало результатом внутреннего противостояния между различными диаспоральными организациями. В то же время организации курдской диаспоры рассматривали наднациональные институты как новый инструмент достижения своих целей. Хотя историй успеха на этом направлении пока немного, автор анализирует прецедент, созданный решением Суда ЕС по делу телеканала ROJ-TV. В статье сделан вывод, что для диаспор дальнейшее развитие процессов региональной интеграции означает повышение “цены входа” в процесс влияния на принятие решений на территории пребывания. Успешное достижение целей для диаспоральных организаций будет означать выработку многоуровневой стратегии, в которую входит и наднациональный уровень взаимодействий.

Ключевые слова: диаспора, регионализация, курды, телеканалы, региональная интеграция.

В современном мире процессы миграции набирают обороты – по крайней мере, с точки зрения количества мигрантов. В таких условиях практически каждая этнокультурная группа может потенциально иметь свою диаспору – достаточно организованную группу мигрантов, объединённых общим происхождением. Безусловно, далеко не всегда мигранты с общим происхождением образуют диаспоры. Вместе с тем именно формирование такого сообщества становится всё более распространённой опцией для мигрантов [Brubaker, 2005: 2–4, 12–13]. Процесс образования диаспор происходит одновременно с очень важным структурным сдвигом в современных международных отношениях и мировой политике – регионализацией. Содержание этой качественной трансформации остаётся предметом широкой дискуссии, но совершенно точно речь идёт о формировании общего политико-правового поля

© **Лошкарёв Иван Дмитриевич** – кандидат политических наук, преподаватель кафедры политической теории МГИМО МИД России. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76. **E-mail:** ivan1loshkariov@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31053 “Мегатренды мировой политики в XXI веке: сферы проявления и развития”.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62019172182>

между несколькими географически близкими государствами – в особенности в экономической сфере [Лагутина, 2015: 16–18; Леонова, 2013: 60–62].

В этой связи возникает вопрос: а как соотносятся регионализация и существование диаспорального измерения мировой политики? Традиционно изучение этого феномена сводится к рассмотрению ограниченного набора групп в ограниченном числе стран, однако в последнее время внимание исследователей привлекает и деятельность диаспор с наднациональным компонентом, на уровне региональных интеграционных объединений. Если отношения сообществ мигрантов со странами пребывания концептуализированы и изучены сравнительно неплохо, то аспекты наднациональной активности диаспор во многом остаются *terra incognita*. На уровне абстрактных рассуждений принято утверждать, что регионализация формирует более сильные центры притяжения для миграции [Цапенко, 2017: 72–74], создаёт новые возможности для политической мобилизации негосударственных факторов и диаспор [Keck, Sikkink, 1998: 10–13; Lyons, Mandaville, 2010: 125–128], в том числе через институциональные точки доступа к процессу принятия решений на наднациональном уровне [Ragazzi 2009: 392].

Совершенно очевидно, что новые ориентиры для теоретического осмысления взаимосвязи функционирования диаспор и процессов регионализации может дать только рассмотрение конкретных политико-исторических ситуаций – кейсов. Представляется, что одним из модельных примеров в рамках данной исследовательской проблематики является опыт функционирования и продвижения интересов курдской диаспоры в Европе в контексте углубления и расширения интеграционных процессов в Европейском союзе. Выбор ЕС в качестве рассматриваемого регионального интеграционного объединения обусловлен, главным образом, доступностью официальных документов. Выбор курдского сообщества также не случаен: при анализе взаимосвязи функционирования диаспор и регионализации очень важно исключить фактор государства происхождения, которое состоит в тесных (но с качественной точки зрения очень разнообразных, в том числе враждебных) отношениях с диаспорой¹. Курды относятся к группе так называемых “безгосударственных” сообществ, а территорию исхода для мигрантов этой национальной группы сегодня делят сразу четыре государства – Иран, Ирак, Турция и Сирия.

Предыстория вопроса

Миграция курдов в европейские страны была вызвана “выталкивающими” факторами (англ. “push factors”) – прежде всего ассимиляционной политикой государств исхода. С момента передачи Лигой Наций Мосульского вилайета бывшей Османской империи в состав Ирака (1925 г.) в данной стране началась этническая дискриминация: вместо введения самоуправления Багдад осуществлял прямое управление территориями, особенно после обнаружения там запасов нефти. Необходимо отметить, что в Ираке сохранялось образование на курдском языке, а в парламентских органах и вооружённых силах существовала небольшая этническая квота [Rubin, 2003: 300–301].

¹ Речь не идёт о том, чтобы полностью исключить связь диаспоры с государством на территории происхождения. Изучение безгосударственных диаспор минимизирует этот фактор при анализе.

В Иране шахское правительство проводило по отношению к курдам более жёсткую политику, что было связано с попыткой создания Мехабадской республики (1946). Образование на курдском языке, формирование этнических партий не допускалось. Власти Ирана делали ставку на сохранение экономической отсталости северо-западных районов страны, где проживало курдское меньшинство [Жигалина, 1996: 120–136].

В Сирии дискриминация курдов также имела место, но долгое время не носила системного характера, поскольку руководители страны в 1940–1960 гг. часто менялись: до прихода семьи Асадов к власти сменилось более 15 президентов, причём трое из них имели курдское происхождение. Однако постепенно в стране начали преобладать панарабистские взгляды: с подачи властей уничтожались книги на курдском языке и граммофонные пластинки с национальными песнями. В 1962 г. правительство провело перепись, которая не учла многочисленные сельские общины курдов (около 100 тысяч человек): как результат все не участвовавшие в переписи были лишены права на гражданство [Tejel, 2009: 40–48].

Наконец, в Турции дискриминация курдов приобрела наиболее системный характер. Провозглашённый Кемалем Ататюрком светский характер государства противоречил мироощущению курдов, живших в относительно замкнутых кочевых и оседлых общинах. Это привело к вспышке в 20–30-е гг. XX столетия серии массовых выступлений этого этнического сообщества, которые натолкнулись на решительное неприятие Анкары. Турецкие власти предпочли прибегать к радикальным методам подавления возмущения: например, в 1926 г. был принят закон о поселениях, который разрешал массовые переселения на самых разных правовых основаниях. Курды провозглашались “горными турками”, что, соответственно, лишало их практически любых культурных и политических групповых прав. Хотя в Турции в 1960–1980-е гг. произошло несколько переворотов, изменений статуса курдского меньшинства не происходило: правящие режимы подавляли выступления, причём военные делали это более жёстко, чем гражданские [Вертяев, 2007: 22–24].

Долгое время миграция курдов в Европу не носила массового характера: переезжали преимущественно молодые люди за образованием или работой. Также в эмиграцию отправлялись оппозиционные представители племенной знати. Самоорганизация курдов в регионах проживания носила, главным образом, эпизодический характер. Первое политическое объединение курдов (преимущественно студенческое) было создано в Вене в 1949 г. (хотя и не просуществовало долго) [Schmidinger, 2013: 318–320].

Ситуация резко изменилась к концу 70-х гг. XX века: в Ираке режим С. Хусейна отказался от попыток договориться с курдами о создании автономии, в Иране к власти пришли шиитские фундаменталисты, затем между Ираком и Ираном вспыхнула война, которая затронула пограничные территории со значительным курдским населением. В Турции же в 1980 г. произошёл очередной военный переворот, лидеры которого санкционировали создание “зон безопасности” на территориях с преимущественно курдским населением. С 1984 г. на юго-востоке страны начался открытый вооружённый конфликт между турецкими военными и подразделениями Рабочей партии Курдистана (РПК). В результате от 0,8 до 1 миллиона человек переселились на территорию ЕС к 2000 г.: основную часть мигрантов приняли Германия (0,5–0,6 млн), Франция (0,1 млн) и Нидерланды (0,07–0,08 млн). По существующим

оценкам, свыше 80% этой миграционной волны составили турецкие курды [Baser, Swain, 2010: 50–51; Hassanpour, Mojab, 2005: 217–219]¹.

Новая волна курдской миграции в Европу была вызвана активным распространением “Исламского государства” (организация запрещена в России). Одним из противников ИГ оказались вооружённые отряды регионального правительства Иракского Курдистана, а также полулегальные формирования, прямо или косвенно связанные с Рабочей партией Курдистана. В 2014 г. только в результате боёв за североиракский город Синджар (Шенгал) и северосирийский Айн эль-Араб (Кобани) в Турцию бежали около 300 тысяч курдов². Большая часть из них, по всей видимости, нашла спасение в контролируемым курдскими отрядами районах (Иракский Курдистан, северо-восток Сирии): точных данных о миграции в страны ЕС не существует, поскольку учёт обычно ведётся по категории “страна прибытия/страна рождения”. В пиковые 2014–2015 гг. только из Иракского Курдистана на территорию ЕС выехали около 40 тысяч курдов³. Миграцию сирийских курдов предварительно можно оценить, исходя из общей доли курдов в населении Сирии (8–12%): в 2014–2018 гг. более 1 миллиона выходцев из Сирии попросили убежища в странах ЕС (первичное обращение об убежище) - порядка 100–120 тысяч курдов⁴. С учётом небольших потоков иранских и турецких курдов, общий объём миграции курдов в страны ЕС в 2014–2018 гг. может достигать до 200 тысяч человек.

Самоорганизация курдов в странах ЕС

С учётом доли турецких курдов в общей массе членов курдской диаспоры в ЕС вполне предсказуемо, что их политические организации долгое время находились под влиянием РПК. Эта партия возникла в 1978 г. как противовес прежним племенным и родовым элитам (отсюда исходный левый уклон), а также для противодействия продолжившейся ассимиляции курдов в Турции. На фоне столкновений с армейскими подразделениями на юго-востоке Турции, РПК стремилась донести свою позицию до европейцев преимущественно с помощью массовых протестных акций: блокады автотрасс, погромов турецкой собственности и уличных демонстраций в

¹ Данные оценки воспроизводятся в большинстве исследований по курдской диаспоральной проблематике, исходные данные были опубликованы Курдским институтом в Париже. Оценка Совета Европы (2003) также в значительной мере опиралась на данные Курдского института.

² 200 000 Kurdes de Syrie et d'Irak ont fui vers la Turquie. URL: <http://www.rfi.fr/moyen-orient/20141223-turquie-kurdes-refugies-syrie-irak-milliers-aide-conflit-kobane> (accessed: 25 June 2019)

³ Migration from Iraqi Kurdistan to Europe decreased following EU-Turkey deal. URL: <https://ekurd.net/migration-kurdistan-decreased-2016-06-22> (accessed: 25 June 2019).

⁴ Asylum applicants in the EU. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/news/themes-in-the-spotlight/asylum2018> (accessed: 25 June 2019); Asylum applicants in the EU. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/news/themes-in-the-spotlight/asylum2017> (accessed: 25 June 2019); Asylum applicants in the EU. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/news/themes-in-the-spotlight/asylum2016> (accessed: 25 June 2019); Asylum applicants in the EU. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/news/themes-in-the-spotlight/asylum2015> (accessed: 25 June 2019); The number of asylum applicants in the EU jumped to more than 625 000 in 2014. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6751779/3-20032015-BP-EN.pdf/35e04263-2db5-4e75-b3d3-6b086b23ef2b> (accessed: 25 June 2019).

поддержку своей деятельности. Данная тактика достигла апогея в 1993 г., когда было проведено более 100 нападений на турецкую собственность: туристические агентства, дипломатические представительства и филиалы банков. Несмотря на то, что у РПК были основания для выражения недовольства (активные операции турецких военных в отношении мирного курдского населения после смерти президента Т. Озала), власти Германии причисли РПК к организациям, которые угрожают “демократическим основам государства” [Eccarius-Kelly, 2002: 104–106; Østergaard-Nielsen, 2003: 72–73]. Впоследствии Рабочая партия Курдистана была признана террористической на уровне ЕС (2002).

Хотя готовность применить силу в борьбе с оппонентами во многом обусловила доминирование РПК в политическом поле курдской диаспоры, партия после 1993 г., а особенно после 1998 г. (арест лидера РПК А. Оджалана), перешла к тактике информационной, а не протестной, мобилизации сторонников. Это не далось партии легко: первые несколько лет протесты с применением насильственных действий продолжались, предпринимались попытки ещё сильнее консолидировать диаспору и проводить ещё более массовые мероприятия. Например, в 1995 г. на демонстрацию в поддержку отмены запрета на деятельность РПК в Бонне собралось более 70 тысяч человек [Østergaard-Nielsen, 2003: 75; Mügge, 2010: 186–189]. Постепенно партия наладила проведение ежегодных фестивалей и культурных событий, радио- и телевещание на нескольких языках (включая различные диалекты курдского языка). А в 2000 г. VII съезд РПК впервые принял решение о необходимости мирного способа достижения политических целей (хотя впоследствии от этого решения несколько раз отказывались) [Ахмедов, 2017: 101–104]. Окончательный переход РПК к прагматичному отношению к работе с диаспорой, видимо, произошёл только в 2009–2010 гг., несмотря на последующее обострение ситуации в Турции и Сирии [Sozer, Yilmaz, 2019: 12].

Переход к ненасильственным, главным образом информационным методам политической мобилизации привёл к тому, что Рабочая партия Курдистана стала ощущать определённую конкуренцию со стороны других организаций диаспоры в странах ЕС, которые первоначально занимали более умеренные позиции. Одна из таких организаций – Ассоциация курдских рабочих за Курдистан (КОМКАР), созданная при поддержке Курдской социалистической партии в 1979 г. Организация изначально придерживалась левой риторики, но во многом сменила её по мере того, как менялись её партнёры в Турции (сейчас это Партия прав и свобод, НАК-РАР). Неизменной остаётся ставка КОМКАР на ненасильственные методы достижения целей и на диалог с турецкими властями по поводу возможных перспектив Курдистана. Это обусловило наличие у КОМКАР легального статуса как в европейских странах (Германия, Нидерланды, Франция), так и в странах происхождения (в частности, в Турции). В начале 2010-х гг. руководство КОМКАР даже предпринимало попытки перехватить инициативу у РПК по вопросу создания курдской автономии в Турции¹ [Baser, 2015: 114–115, 117–121]. Всё же эти попытки провалились, потому что партия НАК-РАР не смогла пройти в парламент, в отличие от Демократической партии народов, которую нередко связывают с РПК.

¹ При этом КОМКАР поддерживает хорошие отношения с партийно-семейными структурами Иракского Курдистана.

На общеевропейском уровне противостояние КОМКАР и РПК институализировано с помощью зонтичных организаций для различных диаспоральных структур. При поддержке РПК в 1994 г. были созданы парламент Курдистана в изгнании (позднее – Курдский национальный конгресс, KNK) и Конфедерация курдских объединений в Европе (с 2014 г. – Европейский Конгресс курдских демократических обществ, KON-KURD/ KCD-E). КОМКАР в 2003 г. создала Группу координации курдов, а позднее – Курдско-Европейское Общество (KES). Но всё же KES – это не слишком репрезентативная организация, поскольку она объединяет в основном курдских мигрантов в Германии, а состав её руководства почти идентичен составу Курдского Центрального совета в Германии.

Рисунок 1.

Сетевая структура курдских организаций в Европе, связанных с РПК¹

Источник: [Mügge, 2010: 104].

Необходимо отметить, что в среде курдской диаспоры существует много промежуточных организационных площадок, которые объединяют представителей различных политических групп. Например, на площадке Федерации курдских объединений (FED-COM) осуществляется взаимодействие между легальной Демократической партией народов (ДЕНАР) и умеренным крылом РПК (Союз общин Курдистана, KGK) (см. рис. 1). Соответственно, лидерство РПК или КОМКАР в определенном сегменте организаций курдской диаспоры в Европе обусловлено сложными сетевыми взаимодействиями – причём не только с курдскими мигрантами, но и с европейскими и турецкими левыми и профсоюзными организациями [Mügge, 2010: 104–106, 114–116].

Помимо двух крупных организационных центров, в среде курдской диаспоры в Европе много самостоятельных структур, не связанных с партийно-страновым раз-

¹ На схеме обозначены следующие организации: KON-KURD – Конфедерация курдских объединений в Европе, YEK-KOM – Ассоциация курдских рабочих в Германии, ERNK – Фронт национального освобождения Курдистана (ответвление РПК), KGK – Союз общин Курдистана (ответвление РПК), FED-KOM – Федерация курдских объединений, KNCAA – Курдский нидерландский центр в Амстердаме, NIMV – организация “Исламский центр”, IFWF – Международная организация свободных женщин (базируется в Нидерландах), ДЕНАР – Демократическая партия народов и её европейское отделение (ДЕНАР-EU).

межеванием внутри диаспоры. Это, прежде всего, Курдские институты в Париже (1983) и Брюсселе (1978), которые занимаются сохранением и продвижением культуры курдов, а также проводят мероприятия по правозащитной проблематике¹.

В целом в рамках курдской диаспоры в странах ЕС сформировалась развитая и сложная структура взаимосвязанных и враждующих друг с другом организаций, которые, однако, стремятся к легальному статусу в странах проживания (отсюда многочисленные попытки РПК создать некие промежуточные площадки с другими мигрантскими группами). Обострение соперничества двух основных организационных центров – РПК и KOMKAR привело к формированию панъевропейских зонтичных объединений (KCD-E и KES). Хотя глобальная тенденция регионализации и функциональное расширение роли институтов ЕС напрямую, вероятно, не повлияли на этот процесс, само соперничество могло выйти на наднациональный уровень. Это косвенно свидетельствует о том, что диаспоральные организации в условиях региональной интеграции могут переходить к формированию сложных многоуровневых политических стратегий, в рамках которых создание межстрановых объединений становится одним из самых очевидных вариантов действий.

Прецедент телеканала “ROJ-TV”

Переход большинства диаспоральных организаций к преимущественно информационным методам политической мобилизации обусловил появление большого количества аффилированных с ними СМИ – прежде всего, телеканалов с вещанием на основных диалектах курдского языка (курманджи, сорани), а иногда и других языках – арабском, турецком, фарси, английском. Первым каналом подобного рода стал MED-TV (1995–1999), который вещал на 5 языках из Лондона². Канал лишили лицензии на вещание за разжигание межнациональной розни (после многочисленных обращений Турции). Для обоснования своих претензий турецкие власти использовали аргументацию об угрозе терроризма и о связях телеканала с РПК.

После закрытия MED-TV журналистский коллектив при поддержке диаспоральных организаций основал канал MEDYA-TV (1999–2004); вещание шло через Францию, а студия находилась в Бельгии. После обращений турецких властей Высший совет Франции по аудио- и видеовещанию пришёл к выводу, что MEDYA-TV является тем же самым, что и MED-TV, и отозвал лицензию у канала. Пикантность ситуации заключалась в том, что до 2001 г. телеканалам во Франции не требовалось получать лицензию, её не было в том числе и у MEDYA-TV. Однако Высший совет Франции по аудио- и видеовещанию отметил в обосновании своего решения, что считает связь канала с РПК установленной и не хочет принимать на себя риск косвенного сотрудничества с террористической организацией³.

После этой эпопеи телеканал получил лицензию в Дании под именем ROJ-TV; съёмки велись в той же студии в Бельгии. Уже в 2005 г. на Данию начали оказывать

¹ About Us, Social Movement with Mission and Vision. URL: <https://www.kurdishinstitute.be/en/about-us/> (accessed: 25 June 2019); Qui sommes-nous? URL: <https://www.institutkurde.org/info/qui-sommes-nous-s-1232550918> (accessed: 25 June 2019).

² Ryan N., Kurdistan is alive and well on TV. URL: <https://www.independent.co.uk/life-style/kurdistan-is-alive-and-well-on-tv-1072339.html> (accessed: 25 June 2019).

³ Les Kurdes privés de leur télé. URL: <https://www.humanite.fr/node/300752> (accessed: 25 June 2019).

давление Турция и институты ЕС, однако датский МИД заявил тогда, что не установлено прямой связи телеканала и РПК. Более того, в 2007 и 2008 гг. Датский совет по телевидению и радио в ответах на жалобы представителей Турции отмечал, что программы телеканала не разжигают ненависть по признаку расы, пола, религии или национальности.

Первоначально давление Турции имело успех в Германии, где в июне 2008 г. местный надзорный орган запретил вещание ROJ-TV на основании связей с РПК и обвинений в нарушении принципа “международного понимания” (канал продвигал только один из возможных вариантов решения “курдской проблемы”). Для ФРГ такое обвинение представлялось важным в контексте напряжённости между турками и курдами на территории страны. Важным сдвигом в позиции телеканала и связанных с ним организаций стало обращение в Суд ЕС с иском к властям Германии: если ранее телеканал менял название и перерегистрировался в других государствах, то в данной ситуации наличие наднациональной инстанции стало рассматриваться как возможность для реализации своих интересов. Представители телеканала обосновывали свою позицию содержанием директивы Совета Европейских Сообществ “Телевидение без границ” 1989 г.¹, которая запрещала одним государствам Европейского союза прерывать вещание из других государств Евросоюза². Хотя Суд ЕС признал за Германией право ограничивать вещание и счёл достаточными сведения о связях телеканала и РПК, фактически судьи в решении от 22 сентября 2011 г. встали на сторону ROJ-TV и постановили, что запрещать вещание может только та страна, которая его разрешила³.

В 2009 г. резко изменилось положение телеканала и в Дании: премьер-министр Дании А. Фог Расмуссен стал основным кандидатом на должность генерального секретаря НАТО. При консенсусном принципе принятия решений в Североатлантическом Альянсе критически важной для Дании стала позиция Турции по спорному вопросу. Позицию Анкары удалось изменить только после гарантий датских властей расследовать связи ROJ-TV и РПК. Именно поэтому в 2010 г. телеканалу были выдвинуты обвинения в сотрудничестве с террористической организацией. В январе 2012 г. муниципальный суд Копенгагена признал телеканал ROJ-TV виновным в сотрудничестве с террористической организацией и назначил штраф, эквивалентный 700 тыс. евро. Хотя суд не запретил деятельность телеканала, его вещание было “приостановлено” во избежание распространения информации в инте-

¹ Ситуация осложнялась тем, что далеко не все страны ЕС присоединились к Европейской конвенции о трансграничном телевидении (вступила в силу в 1993 г.). В этой конвенции более чётко прописаны основания для прекращения телевизионного вещания, чем в Директиве “Телевидение без границ”. В частности, Германия присоединилась к конвенции и частично руководствовалась её нормами, а Дания – нет.

² Council Directive 89/552/EEC of 3 October 1989 on the coordination of certain provisions laid down by Law, Regulation or Administrative Action in Member States concerning the pursuit of television broadcasting activities. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31989L0552> (accessed: 25 June 2019).

³ Judgement of the Court (Third Chamber), 22 September 2011. URL: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=76D7E6C9A040E4A1AA726FD705C325DC?text=&docid=109941&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=3617812> (accessed: 25 June 2019).

ресках РПК [Sinclair, Smets, 2014: 325–327]. Последняя попытка апелляции произошла относительно недавно: 17 апреля 2018 г. Европейский суд по правам человека оставил решения датских судов в силе, признав достаточными основания для отъёма лицензии, а именно – одностороннее освещение телеканалом текущих событий и частичное финансирование со стороны РПК¹.

Несмотря на неблагоприятное для телеканала завершение судебных тяжб, само обращение ROJ-TV к наднациональному Суду ЕС создало важный прецедент в практике регулирования медийного рынка во многих странах Евросоюза, в том числе при действиях операторов вещания в отношении других курдских диаспоральных телеканалов. В частности, в октябре 2016 г. из-за обвинений в связях с РПК французский оператор спутниковой связи *Eutelsat* решил прекратить ретрансляцию телеканала *Newroz TV* (выпускает программы на трёх диалектах курдского и на фарси). Основываясь на решении Суда ЕС, компания обратилась к уполномоченному органу страны регистрации телеканала – Бельгии. Ретрансляция телеканала была временно приостановлена, но коммерческий суд Парижа, уже в ноябре 2016 г. не приняв во внимание аргументы о возможных связях телеканала с РПК, постановил возобновить вещание и назначил штраф за каждый день просрочки исполнения данного решения. Хотя компания *Eutelsat* сумела оттянуть исполнение решения за счёт неразберихи с подрядчиками, апелляционный суд Парижа в апреле 2017 г. обязал компанию возобновить ретрансляцию, хотя и отклонил претензии телеканала на часть штрафных выплат².

Процесс борьбы с курдскими телеканалами по причине их возможной связи с РПК существенно усложнился по сравнению с практикой начала 2000-х гг. В этот процесс вовлечены хозяйствующие субъекты из разных юрисдикций, существует процедурная необходимость доказывать связь телеканалов и РПК, при обсуждении вопросов вещания курдских телеканалов (а их в странах ЕС 12–15 в зависимости от критериев учёта) большое значение приобретает не только солидарность с Турцией или Ираком, но и реализация свободы слова и самовыражения. Это обстоятельство уже приводит к важным последствиям: компания *Eutelsat* отказалось от высказанного в апреле 2017 г. намерения приостановить ретрансляцию ещё трёх курдских диаспоральных телеканалов – *Channel News*, *Sterk TV* и *Ronahi TV*³. При этом *Ronahi TV*, скорее всего, имеет самое непосредственное отношение к сирийскому ответвлению РПК – партии “Демократический союз”.

* * *

Важнейшим фактором развития новых форм активности в диаспоре остаётся соперничество среди диаспоральных организаций, которое может проходить вдоль различных разделительных линий: секуляризм-клерикализм, региональное проис-

¹ Case-law of the European Court of Human Rights. Information Note 2018. pp. 11-12. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/CLIN_2018_05_218_ENG.pdf (accessed: 25 June 2019).

² Cour d'appel de Paris, Pôle 1 – chambre 8, 21 avril 2017, n° 17/02791. URL: <https://www.doctrine.fr/d/CA/Paris/2017/CC4AF8456C2CB786D0FBF> (accessed: 25 June 2019).

³ Eutelsat puts pressure to remove Kurdish News Channel TV, Ronahi TV and Sterk TV. URL: <https://europeanjournalists.org/blog/2017/05/16/eutelsat-puts-pressure-to-remove-kurdish-news-channel-tv-ronahi-tv-and-sterk-tv/> (accessed: 25 June 2019).

хождение, поколенческая дистанция. В среде курдских сообществ в странах ЕС наиболее сильной линией является легальный/нелегальный статус диаспоральных организаций. В таких условиях для подобных организаций крайне важно участвовать в формировании повестки дня членов диаспоры и стран пребывания, оказывать влияние на повседневно доступную информацию. В условиях регионализации это имеет два важных последствия. Во-первых, потребность в информационной работе внутри и вне диаспоры ведёт к формированию наднациональных зонтичных площадок (например, KCD-E и KES), которые позволяют аккумулировать больше политических ресурсов и создать площадку для координации действий. Во-вторых, возрастает значение наднациональных институтов ЕС, которые способны влиять на то, где именно проходит разделение на легальное и нелегальное. Несмотря на то, что Рабочая партия Курдистана сохраняет в Евросоюзе статус террористической организации, за последние десятилетия ей удалось частично вывести из этого статуса телевизионные каналы, которые с ней аффилированы. И в этом большую роль сыграло решение Суда ЕС от 22 сентября 2011 г. по делу телеканала ROJ-TV, которое фактически запретило государствам-членам ЕС принимать решения о прекращении ретрансляции самостоятельно.

Для самих диаспор дальнейшее развитие процессов региональной интеграции, видимо, означает повышение “цены входа” в процесс влияния на принятие решений на территории пребывания. Дело в том, что успешное достижение целей для диаспоральных организаций будет означать выработку многоуровневой стратегии, в которую входит и наднациональный уровень взаимодействий (раньше достаточно было локального и национального).

Список литературы

- Ахмедов Т.А. (2017) Внешнеполитическая деятельность Рабочей партии Курдистана (РПК) в 1990–2010 гг., *Современная научная мысль*, 1, с. 100–104.
- Вертяев К.В. (2007) *Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)*, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.
- Жигалина О.И. (1996) *Этносоциальная эволюция иранского общества*, Восточная литература, Москва, Россия.
- Лагутина М.Л. (2015) Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века, *Сравнительная политика*, 2(19), с. 16–21.
- Лебедева М.М. (2013) Акторы современной мировой политики: тренды развития, *Вестник МГИМО-Университета*, 1 (28), с. 38–42.
- Леонова О.Г. (2013) Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира, *Век глобализации*, 1, с. 59–66.
- Цапенко И.П. (2017) Регионализация миграционных процессов, *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, том 10, № 4, с. 72–85.

References

- Ahmedov T.A. (2017) Vneshnepoliticheskaya dejatel'nost' Rabochej partii Kurdistana (RPK) v 1990-2010 gg., *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 1, pp. 100–104.
- Baser B. (2015) “Komkar: the unheard voice in the Kurdish Diaspora”, in: Christou A., Mavroudi E. (eds.) *Dismantling Diasporas: Rethinking the Geographies of Diasporic Identity, Connection and Development*, Ashgate, Farnham, pp. 113–128.
- Baser B., Swain A. (2010) Stateless diaspora groups and their repertoires of nationalist activism in host countries, *Journal of International Relations*, vol. 8, 1, pp. 37–60.
- Brubaker R. “The ‘diaspora’ ‘diaspora’”, *Ethnic and racial studies*, vol 28, 1, pp. 1–19.
- Eccarius-Kelly, V. (2002) Political Movements and Leverage Points: Kurdish Activism in the European Diaspora, *Journal of Muslim Minority Affairs*, 22(1), pp. 91–118.

- Hassanpour A., Mojab S. (2005) "Kurdish diaspora", in: Ember M., Ember C.R., Skoggard I. *Encyclopedia of diasporas: Immigrant and refugee cultures around the world*, New York, Springer, USA, pp. 214–224.
- Keck M.E., Sikkink K. (1998) *Activist beyond borders: advocacy networks in international politics*, Ithaca and London: Cornell University Press, USA-UK.
- Lagutina M.L. (2015) Global'nyj region kak jelement mirovoj politicheskoy sistemy XXI veka, *Sravnitel'naya politika*, 2(19), pp. 16–21.
- Lebedeva M.M. (2013) Aktory sovremennoj mirovoj politiki: trendy razvitiya, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 1 (28), pp. 38–42.
- Leonova O. G. (2013) Global'naya regionalizaciya kak fenomen razvitiya global'nogo mira, *Vek globalizacii*, 1, pp. 59–66.
- Lyons T., Mandaville P. (2010) Think Locally, Act Globally: Toward a Transnational Comparative Politics, *International Political Sociology*, 4, pp. 124–141.
- Mügge L. (2010) *Beyond Dutch Borders. Transnational Politics among Colonial Migrants, Guest Workers and the Second Generation*, Amsterdam University Press, Amsterdam, Netherlands.
- Østergaard-Nielsen E. (2003) *Transnational Politics: Turks and Kurds in Germany*, Routledge, New York-London, USA-UK.
- Ragazzi, F. (2009) Governing diasporas, *International Political Sociology*, 3, pp. 378–397.
- Rubin M. (2003) Are Kurds a pariah minority?, *Social Research: An International Quarterly*, vol. 70, 1, pp. 295–330.
- Schmidinger T. "The Kurdish Diaspora in Austria and its imagined Kurdistan", in: Ahmed M.M.A., Gunter M.M. (eds.) *The Kurdish Spring: Geopolitical Changes and the Kurds*, Costa Mesa, Mazda Publishers, USA, pp. 308–338.
- Sinclair C., Smets K. (2014) Media Freedoms and Covert Diplomacy: Turkey Challenges Europe over Kurdish Broadcasts, *Global Media and Communication*, 10(3), pp. 319–331.
- Sozer M.A., Yilmaz K. (2019) The PKK and its evolution in Britain (1984–present), *Terrorism and Political Violence*, vol. 2, 3, pp. 185–203.
- Tejel J. (2009) *Syria's Kurds: History, Politics and Society*, Routledge, London, UK.
- Tsapenko I.P. (2017) Regionalizaciya migracionnyh processov, *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*, vol. 10, no. 4, pp. 72–85.
- Vertjaev K.V. (2007) *Kurdsij vopros v politike Turcii (konec XX- nachalo XXI veka)*, Institut vosstokovedenija RAN, Moscow, Russia.
- Zhigalina O.I. (1996) *Jetnosocial'naya jevoljuciya iranskogo obshhestva*, Vostochnaja literatura, Moscow, Russia.

Diaspora in the Regionalization Era: Kurds in the EU

Author: Loshkariov I., Candidate of Sciences (Politics), Lecturer of the Department of Political Theory, MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. **Address:** 76 Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** ivan1loshkariov@gmail.com

Abstract. The article explores the relationship between the processes of regionalization and the functioning of diasporas (the specific case of the Kurdish diaspora in the EU countries). Taking into account the historical experience of the Kurdish diaspora, the author comes to the conclusion that the formation of pan-European umbrella structures of the Kurdish diaspora was the result of an internal confrontation between the various diaspora's organizations. At the same time, the organizations of the Kurdish diaspora have started considering supranational institutions as a new tool for their goals achieving. Although there are not so many success stories in this regard, the author analyzes the precedent created by the decision of the EU Court on the case of the ROJ-TV channel. The author made a conclusion that for the diasporas the development of the processes of the regional integration means the increasing of the "entrance price" to the processes of the decision making on the territory of the residence. The successful achievement of the goals for the diaspora organizations could lead to the elaboration of the multilevel strategy in which included also the supranational level of the cooperation.

Key words: diaspora, regionalization, Kurds, TV channels, regional integration.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62019172182>